

ПАНИНА Н.В., ГОЛОВАХА Е.И.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ИДЕНТИЧНОСТЬ В УКРАИНЕ: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ШКАЛЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИСТАНЦИИ В МОНИТОРИНГОВОМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

В последние годы наблюдается существенный рост общественного внимания к тематике, связанной с национальной толерантностью и сменой идентичностей в постсоветском обществе. Актуализация этих проблем обусловлена усиливающимися межэтническими противоречиями и сохраняющейся социальной дезориентацией людей в условиях ценностно-нормативной неопределенности и аномической деморализованности значительной части населения постсоветских государств. Разрушение традиционных идентичностей и проявление нетолерантного отношения к представителям различных социальных и этнических групп — это проблемы, от решения которых во многом зависит реализация декларируемых целей реформирования экономики и демократического преобразования постсоветских обществ.

В своем интересе к проблемам формирования социальных идентичностей и межгрупповой толерантности социологи постсоветского мира не одиноки. Постоянно нарастающий в западной социальной науке интерес к проблеме формирования социальных идентичностей нередко воспринимается как очередное проявление феномена моды, актуального не только для производителей и потребителей материальных благ, но и для тех, кто производит продукты духовного потребления, определяя «дух эпохи», ее важнейшие ценностно-интеллектуальные ориентиры.

Чтобы ответить на вопрос, почему одна из рядовых категорий социального познания, имеющая достаточно шаткое теоретическое основание, изначально связанное с психоаналитической традицией интерпретации социальных феноменов, приобрела доминирующие позиции в

Панина Наталия Викторовна — доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии НАНУ.

Головаха Евгений Иванович — доктор философских наук, заместитель директора Института социологии НАНУ. **Адрес:** 01021 Украина, Киев, ул. Шелковичная, д. 12. **Телефон:** (38 044) 353-4450 **Электронная почта:** egolnpan@svitonline.com

Статья выполнена в рамках Российско-Украинского проекта «Национально-гражданские идентичности и толерантность в России и Украине: сравнительный анализ» при поддержке НАН Украины (№ 13-05/РГНФ)

современной науке о человеке и обществе, необходимо прежде всего согласиться с тем, что современное общество — это пространство постоянно изменяющихся идентичностей. И если в недавнем прошлом смена идентичности предполагала маргинализацию, то в сегодняшнем мире риску оказаться маргиналами более подвержены именно те, кто сохраняет идентичность вопреки изменению объективной социальной ситуации и не способен принять новые социальные реалии. Еще в 70-е годы прошлого столетия Юрген Хабермас утверждал, что новому обществу, преодолевающему границы отдельных государств, понадобится новая социальная идентичность, что неизбежно повлечет пересмотр многих устоявшихся принципов и механизмов социальной идентификации [1, с. 48–58]. И действительно, к концу XX столетия развал коммунистической системы, процессы глобализации и европейской интеграции стали мощным фактором стремительного разрушения старых и формирования новых социальных идентичностей. А поскольку в этих условиях устоявшиеся социальные связи рушились со скоростью, явно превосходящей адаптивные возможности людей, новые идентичности приобретали непредсказуемый и порой весьма причудливый характер. Отсюда и всплеск научного интереса к их объяснению и социальной интерпретации. По мнению Зигмунта Баумана, «никакой иной аспект нашей жизни не привлекает сейчас такого внимания философов, социологов и психологов... Впечатляющее возрастание интереса к “обсуждению идентичностей” может сказать больше о нынешнем состоянии человеческого общества, чем известные концептуальные и аналитические результаты его осмысления» [2, с. 176–177].

В этом провокационном высказывании одного из наиболее ярких представителей постмодернистской социологии содержится весьма скептическая оценка способности исследователей и аналитиков предложить что-либо более интересное для объяснения новых социальных идентичностей, чем все более интенсивные обсуждения этой проблемы. И все же результаты ее осмысления в работах российских и украинских социологов заслуживают внимания. В указанных работах через смену идентификационных практик показаны особенности современных социальных изменений, определены факторы и механизмы перехода от «советских» социальных идентичностей к современному состоянию и перспективе формирования демократических национально-гражданских и социокультурных идентичностей [3–11].

Ряд работ социологов России и Украины посвящен толерантности — и как самостоятельному предмету исследования, и в связи с разрушением старых и формированием новых идентичностей. В Украине в 1990-е годы начат и продолжает поныне социологический мониторинг межэтнической толерантности [12–14]. В России проблематика толерантности исследуется в общетеоретическом и эмпирическом аспектах [15–19]. Результаты этих исследований обнаруживают

закономерности проявления феномена толерантности в постсоветском социальном пространстве, раскрывают причины межгрупповой нетолерантности, среди которых важное место занимает фактор национальной идентичности. В работах последних лет содержатся отдельные наблюдения, касающиеся связи различных типов идентичностей и толерантности [20-21]. Особый интерес в этом контексте представляет работа М.Б. Хомякова, раскрывающего противоречивый характер одновременного сохранения межгрупповой толерантности и групповых идентичностей. Это противоречие, на наш взгляд, снимается лишь в том случае, когда человек способен идентифицировать себя не только со «своей» группой, но и распространять механизм идентификации на другие социальные группы, принимая их представителей как «своих». В социологическом аспекте это означает возможность сокращения социальной дистанции по отношению к «чужим» до той черты, где пребывают «свои». Примером такого сокращения дистанции является способность представителя одной национальности допускать в качестве членов семьи и близких друзей представителей других национальностей. В идеале, когда ни одна национальность не отодвигается на более удаленное расстояние, речь должна идти о подлинно толерантной национальной идентичности, исключающей какое-либо противопоставление «своих» и «чужих».

Разумеется, такого рода «всестороннюю толерантность» следует рассматривать как либеральный идеал, далекий от современных социальных реалий. И вряд ли подобный механизм формирования толерантности в полной мере «применим» в случае, когда речь идет о политических идентичностях. Трудно представить, что представители левых политических сил в качестве «своих» могут принимать правых консерваторов, а либералы найдут основания для сокращения политической дистанции с фундаменталистами. Впрочем и здесь ситуация неоднозначна, если рассматривать ее не с точки зрения актуальной ситуации, а в достаточно отдаленной перспективе. В любом случае, приближение к этому идеалу в межэтнических отношениях является реальной альтернативой тому, что мы преимущественно наблюдаем в современном мире: или фундаменталистские идентичности, обуславливающие тотальную нетерпимость, или «этика путешественника» постмодерного мира, стимулирующая поверхностную толерантность, снисходительное и во многом пренебрежительное отношение ко всему, что связано с устойчивыми национальными идентичностями.

В принципе, сокращение социальных дистанций в межгрупповых отношениях согласуется с тенденцией сокращения «физических» дистанций между представителями различных культур, этносов, региональных сообществ в результате создания современной инфраструктуры транспорта и связи. Расширение возможностей общения, казалось бы, создает базис для формирования более толерантного и

открытого мира, в котором национальные идентичности не препятствуют восприятию представителей других национальностей как «идентичных себе». Однако исторический опыт, и, прежде всего, тот, который накоплен в постсоветском социальном пространстве, обнаруживает иные тенденции, связанные с национальной толерантностью в обществе заново формирующихся национально-гражданских и политических идентичностей. Анализ этих тенденций и факторов, определяющих особенности формирования национальной толерантности, составляет содержание данной статьи.

Поскольку мы рассматриваем связь национальной толерантности и идентичностей в контексте сокращения социальной дистанции между представителями различных этнических групп, в качестве метода исследования выбрана Шкала социальной дистанции Богардуса.

Шкала социальной дистанции Богардуса в исследовании национальной толерантности

Профессор Южнокалифорнийского университета Эмори Богардус приступил к работе над методикой в 1924 году. В течение двух лет он эмпирически отработывал методический план построения шкалы измерения социальной дистанции, предложенный профессором Чикагского университета Робертом Парком [22-23]. В этот период научный интерес многих американских социологов и социальных психологов был привлечен к процессам социальной интеграции и социальной мобильности населения. Происходил рост мегаполисов за счет массовых притоков в крупные города Соединенных Штатов представителей как разных регионов страны, так и эмигрантов. Величина социальной дистанции между людьми из различных социальных или этнических (расовых) групп, включающихся в новую единую социальную систему, позволяет, по мнению Р. Парка, судить не только о степени интеграции и солидарности образующегося сообщества, но и об общем уровне развития демократической культуры. Теоретически, отмечает Парк, характерной чертой истинной (идеальной модели) демократии является полное отсутствие *социальной* дистанции между членами единого сообщества [22, с. 341]. Для эмпирического изучения особенностей формирования новых сообществ (community) из представителей различных культур, повышения возможностей анализа факторов, благоприятствующих или препятствующих налаживанию связей и контактов между людьми (в первую очередь как представителей различных субкультур) и определения уровня политической культуры, преобладающей в данном сообществе, необходимо было создавать соответствующие методики измерения социальной дистанции.

В итоге многолетней работы был создан целый ряд модификаций шкалы социальной дистанции: Шкала расовой дистанции, Шкала образовательной дистанции, Шкала экономической дистанции, Шкала

политической дистанции, Шкала профессиональной дистанции, Шкала религиозной дистанции и т. п. Суть методики заключается в том, что респондента просят отметить те типы социальных контактов, в которые он охотно вступил бы с представителями той или иной социальной группы. Веер ответов, предлагаемых респонденту, был сформирован на основании результатов предварительной экспертной процедуры. Для этого был составлен перечень различного рода социальных контактов (связей), в которых люди могут находиться друг с другом, проживая в одной стране. Затем этот (довольно обширный) список был предложен шестидесяти экспертам (как пишет Р. Парк, подготовленным и опытным людям) с просьбой дать оценку каждому из видов социальных связей по семибалльной шкале, руководствуясь таким критерием, как «чувство близости и понимания». В итоге было отобрано семь вариантов социальных контактов, различающихся по степени близости/отдаленности. Каждому варианту было присвоено ранговое числовое значение, отражающее уровень близости социальных отношений: 1 балл — «близкое родство посредством брака»; 2 балла — «допустил бы в свой клуб в качестве закадычного друга»; 3 балла — «допустил бы на свою улицу в качестве соседа»; 4 балла — «допустил бы в качестве работника на том же предприятии, где работаю я»; 5 баллов — «допустил бы в качестве гражданина моей страны»; 6 баллов — «только в качестве визитера в мою страну» и 7 баллов — «исключил бы из моей страны».

Здесь в качестве примера приведена формулировка первых исследований Э. Богардуса. В дальнейших исследованиях формулировки вариантов ответов несколько видоизменялись, часто в зависимости от того, кого именно опрашивали по этой методике. Так, например, при опросе студентов колледжей, проживающих в общежитии, формулировка «ближайших соседей» менялась на формулировку «живущих в соседней (nextdoor) комнате». Тот же вариант при опросах людей, проживающих в собственных домах, менялся на вариант — «соседей, проживающих на вашей улице», и т. п.

Э. Богардус предложил ряд индексов, которые можно вычислять на основании ответов респондентов: Индекс качества социальных контактов, Индекс дистанции социальных контактов, Индекс ранга социальных контактов и др. [24, с. 303]. Среди этих индексов наибольшее распространение в дальнейших исследованиях получил Индекс расовой дистанции, вычисляющийся на основе ответа, отражающего самое близкое социальное расстояние, на которое человек согласился допустить представителя той или иной национальности. Первые шесть вариантов указывают на желаемую степень близости (отдаленности) отношений, а седьмой вариант подразумевает установку респондента на полное отсутствие каких-либо социальных контактов с представителями другой национальности.

Из всех шкал социальной дистанции шкала расовой дистанции получила наиболее широкое распространение, прежде всего потому, что сам Богардус наряду с многочисленными локальными исследованиями на протяжении сорока лет провел четыре крупномасштабных опроса именно по этой шкале. Только в рамках данного проекта он, опираясь на организационную помощь коллег профессоров различных университетов и колледжей США, опросил более восьми тысяч студентов. Результаты опросов, отражающие динамику межнациональных установок, неоднократно публиковались [24-26].

Э. Богардус подчеркивал, что термин «расовая» — это, скорее, дань общеупотребительному слову. Более адекватным термином, подразумевающим, в первую очередь, социокультурные различия между группами людей, с его точки зрения, была бы «этническая дистанция». Но, поскольку термин «этническая» — скорее научный, Богардус, упрощая восприятие со стороны людей, не посвященных в научные тонкости, заменяет его термином «расовая», а шкалу, соответственно, называет шкалой расовой дистанции [26, с. 5]. Впоследствии эту методику, используя обобщенное название, чаще стали называть шкалой социальной дистанции Богардуса.

В соответствии с концепцией Р. Парка, где под социальной дистанцией понимается такая характеристика социальных связей и контактов, как «степень понимания и близости», Богардус отмечал, что демократическое общество стремится к уменьшению социальной дистанции между представителями различных социокультурных групп, однако определенная социальная дистанция всегда есть между людьми — «даже между близкими друзьями, даже между любовниками». Можно говорить только о том, что дистанция может быть минимальной, или максимальной, или находиться где-то между этими значениями. Предлагаемая методика позволяет проводить количественное измерение, что, несомненно, повышает возможности мониторинговых и компаративных социологических исследований.

Апробация и применение шкалы социальной дистанции в Украине

В 1990 году Н. Панина осуществила апробацию методики — проверку на то, как рядовые граждане Украины воспринимают формулировки вопроса и вариантов ответов. В результате апробации формулировки, определяющие минимальную и максимальную дистанции («Породнился бы посредством брака» и «Исключил бы из своей страны»), которые вызывали наибольшие сложности, были несколько смягчены. Первая формулировка воспринималась слишком конкретно — «Как же я могу породниться по браку, когда я уже давно в браке состою». Она была изменена на формулировку «Допустил бы в качестве члена семьи». Здесь следует учитывать, что Богардус,

как и большинство американских социальных психологов, собирая эмпирический материал, работал преимущественно со студентами, а перед нами стояла задача подготовить методику для массовых опросов населения. Последний вариант ответа — «Исключил бы из своей страны» (в некоторых случаях Богардус даже ставил вариант «Выдворил бы из страны») — пугал участников пилотных опросов своим «активизмом»: «А чего это я буду кого-то выдворять, пусть это делают те, кому положено». В результате был выбран более мягкий вариант — «Не допускал бы в страну». Этот вариант нареканий не вызывал. Возможно, отчасти потому, что кого-то куда-то «не допускать», хотя бы мысленно, в нашей стране многие уже привыкли.

В результате, была сконструирована семибалльная шкала социальной дистанции, по которой определялось значение дистанции для представителей различных национальностей (список национальностей представлен в таблице 1). Шкала построена по кумулятивному принципу, что позволяет определять значение социальной дистанции по отношению к представителям определенной национальности: согласен допустить в качестве члена семьи — 1 балл, в качестве близких друзей — 2 балла, соседей — 3 балла, коллег по работе — 4 балла, жителей страны — 5 баллов, туристов — 6 баллов, вообще не допускал бы — 7 баллов. Таким образом, 1 балл означает максимальную национальную толерантность, а 7 баллов — крайнюю нетерпимость.

По данной шкале рассчитываются специальные индексы: 1) Индекс национальной дистанцированности (ИНД) — средний балл по семибалльной шкале социальной дистанции по отношению к представителям каждой из национальностей; 2) Интегральный индекс национальной дистанцированности (ИИНД) — усредненное значение по отношению ко всем национальностям (за исключением украинцев, русских и украинской диаспоры).

Числовое значение интегрального индекса национальной дистанцированности по характеру ответов позволяет интерпретировать величину дистанцированности как предпосылку формирования определенного уровня национальной толерантности:

При измерении отношения к какой-либо конкретной национальности значения ИИНД менее 2,5 баллов, свидетельствующие о преимущественной готовности вступать с представителями этой национальности в родственные или близкие дружественные отношения, рассматриваются нами как показатель определенной меры *национальной идентичности* (возможно, более точное название в данном случае — *интернациональная идентичность* как способность воспринимать «чужие» национальности в качестве «своей», однако термин этот несет одиозную идеологическую нагрузку для его использования в рамках современной научной терминологии).

Открытость (толерантность). Среднее значение интегрального индекса национальной дистанционированности менее 4 баллов означает ту или иную степень открытости к *непосредственным* контактам (семейным, дружеским, соседским, производственным) и может расцениваться как показатель определенного уровня *толерантности*. В парадигме социальной дистанционированности это значение интерпретируется как «свои».

Национальная обособленность. Значения ИИНД от 4 до 5 баллов свидетельствуют о том, что люди в той или иной мере склонны к национальному обособлению и по отношению к большинству национальностей занимают следующую позицию: «Пусть живут в Украине, но мне бы не хотелось вступать с ними в непосредственные контакты». По отношению к какой-либо конкретной национальности это значение может интерпретироваться как отсутствие толерантности и означать, что представители этой национальности воспринимаются как «не совсем свои, но и не совсем чужие».

Национальная изолированность. Значения ИИНД от 5 до 6 баллов характеризуют ориентацию на изолированность людей, не желающих видеть представителей других национальностей в качестве граждан своей страны, но не возражающих, чтобы они посещали Украину в качестве гостей и туристов. По отношению к конкретным национальностям это значение может интерпретироваться как «достаточно чужие» и определять предрасположенность к ксенофобии (скрытая форма ксенофобии). Эта скрытая форма ксенофобии есть своего рода проявление «толерантности» ксенофобов — «Вообще-то я не хочу с ними общаться, но, ладно уж, пусть приезжают погостить, если хотят».

Ксенофобия. Значения ИИНД выше 6 баллов характеризуют распространенность открытых ксенофобических установок. Открытое нежелание вообще допускать в свою страну представителей какой-либо национальности отражает восприятие ее представителей как «совершенно чужих» и является показателем открытой ксенофобии.

В августе 1990 года шкала социальной дистанции была впервые включена в массовый репрезентативный опрос жителей Киева. В сентябре 1991 года было проведено повторное исследование по Киеву с применением данной методики. Полученные результаты оказались достаточно неожиданными. Прежде всего, это касалось величины индексов социальной дистанции как по отношению к отдельным национальностям, так и обобщенного показателя ИИНД — они были значительно выше, по сравнению с данными, полученными в исследованиях, проведенных Э. Богардусом во времена, когда в США сохранялась система расовой сегрегации и этнических квот. Основные выводы из полученных данных опубликованы в украинских и зарубежных изданиях [27-28].

На фоне данных, свидетельствующих о преобладании в массовом сознании киевлян установок на демократические преобразования в стране (многопартийная система, рыночные преобразования в экономике и т. п.) неожиданно высокая величина индекса общей национальной дистанцированности жителей столицы свидетельствовала о том, что путь к построению открытого демократического общества предстоит неблизкий. В 1992 году Н. Панина впервые включила эту методику в общенациональное репрезентативное исследование, направленное на изучение психологического состояния населения Украины. Полученные результаты подтвердили основные тенденции, обнаруженные в национальных установках населения Киева [29-30].

В данной статье представлены результаты ежегодного мониторинга Института социологии НАН Украины (1992-2005 гг.). Мониторинговые опросы проводились по общенациональной выборке взрослого (старше 18 лет) населения Украины; расчетный объем выборки составлял 1800 человек; опрос проводился во всех областях Украины пропорционально их доле в общем составе населения страны (подробнее о выборке и организации опросов см. [31]).

Динамика национальной дистанцированности

Результаты последнего мониторингового опроса, проведенного в марте 2005 года, показывают, что в Украине продолжает сохраняться высокий уровень психологической обособленности и изоляционизма населения от представителей большинства национальностей. Как свидетельствовали предыдущие результаты мониторинга, население Украины психологически дистанцировало («отстраняло») от себя преимущественно те национальности, которые ассоциировались с возникающими в мире межнациональными конфликтами. В ходе развития украинского независимого государства происходило нарастание как общего уровня национальной обособленности, так и распространенности ксенофобических установок по отношению к ряду национальностей. После террористического акта в Нью-Йорке 11 сентября в массовом сознании произошел качественный «скачок» (зафиксированный в мартовском опросе 2002 года), выразившийся в увеличении социальной дистанции по отношению к представителям подавляющего большинства других национальностей (см. табл. 1).

Результаты мониторинга показывают, что изначально достаточно высокий (в 1992 г.) уровень национальной дистанцированности украинского населения имел тенденцию к нарастанию национального изоляционизма и повышению распространенности ксенофобических установок. В 2002 году произошел качественный скачок в увеличении национальной дистанцированности практически от всех национальностей. В начале 2005 года произошло некоторое небольшое снижение распространенности ксенофобических установок по отношению к

большинству национальностей (в среднем на 1-2%), что сказалось и на общем уровне национальной обособленности, который немного снизился с 5,3 балла до 5,1 балла (различия статистически значимы на уровне 5%).

Таблица 1

Результаты мониторинга показателей национальной дистанцированности населения Украины по шкале Богардуса: 1992-2005 гг.

НД ¹	Индекс национальной дистанцированности (ИНД) Шкала: 1–7 баллов ²									
	1992 1800	1994 1807	1996 1800	1998 1810	1999 1810	2000 1810	2001 1800	2002 1799	2004 1800	2005 1800
Азербай- джанцев	-	-	-	-	-	-	-	5,8	5,8	5,7
Амери- канцев	4,3	4,4	4,6	4,7	4,8	4,8	4,9	5,4	5,5	5,4
Арабов	5,4	-	-	-	-	-	-	6,1	6,1	6,0
Афганцев	-	-	-	-	-	-	-	6,2	6,2	6,1
Белорусов	2,9	2,7	2,6	2,5	2,4	2,8	2,7	4,2	4,1	3,9
Венгров	4,2	4,6	4,8	4,9	4,8	5,1	5,1	5,4	5,4	5,1
Грузин	5,3	4,9	5,0	5,1	5,0	5,4	5,3	5,4	5,5	5,4
Евреев	4,2	3,8	3,8	3,9	3,8	3,9	3,9	5,1	5,1	5,0
Китайцев	-	-	-	-	-	-	-	5,9	5,9	5,8
Крымских татар	5,1	4,6	4,8	4,8	4,9	4,9	5,0	5,6	5,5	5,4
Молдаван		4,6	4,7	4,8	4,8	5,1	5,1	5,3	5,2	5,1
Негров	4,5	-	-	-	-	-	-	6,0	5,9	5,9
Немцев	4,4	4,5	4,6	4,8	4,7	4,8	4,9	5,2	5,2	5,1
Поляков	3,8	4,4	4,5	4,6	4,5	4,8	4,9	5,0	5,0	4,8
Русских	2,5	2,3	2,1	2,0	1,9	2,3	2,2	3,3	3,1	3,1
Румын	4,6	4,7	4,9	4,9	4,9	5,2	5,2	5,4	5,4	5,1
Сербов	-	4,8	5,0	5,1	5,1	5,4	5,4	-	-	-
Словаков	-	4,6	4,8	4,8	4,8	5,0	5,0	5,1	5,1	4,9
Турков	-	4,9	5,2	5,3	5,4	5,6	5,6	5,9	5,9	5,7
Украинцев	1,6	1,8	1,4	1,5	1,5	1,6	1,6	2,4	2,2	2,2
Украинцев диаспоры	3,5	-	-	3,9	3,8	4,0	4,1	3,5	3,4	3,1
Цыган	5,6	5,1	5,3	5,4	5,5	5,6	5,7	6,0	6,1	6,0
Чехов	-	-	-	-	-	-	-	5,3	5,3	5,1
Чеченцев	-	-	-	-	-	6,1	6,1	6,3	6,4	6,4
ИИНД	4,6	4,5	4,6	4,7	4,7	5,0	5,0	5,5	5,5	5,4
ИИНД-10³	4,4	4,4	4,5	4,6	4,5	4,7	4,8	5,3	5,3	5,1

¹ Национальная дистанцированность населения Украины от...

² Курсивом указано количество опрошенных. по каждому году.

³ Для нивелирования возможного влияния изменений, которые на протяжении десяти лет вносились в список национальностей, в таблице приводится интегральный индекс национальной дистанцированности по десяти национальностям (ИИНД-10), отношение к которым оценивалось во всех исследованиях мониторинга. ИИНД — Интегральный Индекс Национальной Дистанцированности; ИИНД-10 — Интегральный Индекс Национальной Дистанцированности по 10 национальностям, помеченным в перечне.

В таблице 2 представлены результаты динамики общей национальной толерантности населения Украины и региональных особенностей распространенности людей с различным уровнем толерантности (нетолерантности). В целом, как можно видеть, среди населения всех регионов Украины в 2005 году все еще преобладают изоляционистские (около 50%) и прямые ксенофобические установки (25%).

Таблица 2

Уровень общей национальной толерантности населения Украины: динамика и распределение по регионам

Признаки	Процент населения с соответствующим уровнем толерантности						
	В целом по Украине			По регионам Украины за 2005			
	1992	2002	2005	Восток	Юг	Центр	Запад
Открытость (толерантность)	35,2	9,9	10,4	13,2	11,4	9,0	8,3
Обособленность (нетолерантность)	25,2	16,0	14,8	15,9	12,7	11,2	23,3
Изоляционизм (скрытая форма ксенофобии)	33,3	48,1	49,5	50,7	46,1	55,6	42,0
Ксенофобия (открытая форма)	6,3	27,0	25,2	20,1	29,9	24,2	26,4

«Квалифицированное большинство» жителей Украины (около 75%) согласны в качестве своих сограждан видеть только представителей восточно-славянских этносов, традиционно проживавших на этой территории. Около половины граждан в качестве жителей Украины допустили бы еще евреев, поляков, молдаван и крымских татар, то есть представителей тех народов, с которыми тоже есть исторический опыт совместного проживания. Подобная конфигурация национальных предпочтений позволяет предположить, что в основу национального изоляционизма, доминирующего в массовом сознании, заложены архаично-традиционалистские ценности, в значительной мере определяющие на настоящем этапе формирование, развитие и консолидацию системы социальных отношений в целом.

В таблице 3 представлены данные, характеризующие влияние демографических, социоэкономических, геополитических и политических факторов на значение как интегрального индекса национальной дистанционности (ИИНД), отражающего предпосылки формирования общего уровня национальной толерантности, так и на ИИД, отражающий отношение к представителям отдельных национальностей (на примере украинцев, русских, евреев и американцев).

Выбор национальностей обусловлен следующими соображениями:

Украинцы. Отношение к украинцам, измеряемое шкалой социальной дистанции, в значительной мере выступает показателем украинской

идентичности: чем ниже значение индекса социальной дистанцированности, тем о более высокой степени украинской этнической идентичности он свидетельствует.

Таблица 3

Факторы национальной дистанцированности населения Украины (2005 г.)

Факторы	N	ИИНД		ИНД по отношению к ...							
		m1	СрКв	украинцам		русским		евреям		американцам	
		5.1	1.0	m2	СрКв	m3	СрКв	m4	СрКв	m5	СрКв
УКРАИНА											
РЕГИОН											
Запад	319	5.0	1.1	1.9	1.6	4.0	1.8	5.4	1.4	5.0	1.7
Центр	583	5.2	1.0	2.0	1.6	3.2	1.8	5.1	1.5	5.4	1.4
Юг	474	5.2	1.1	2.6	1.8	2.9	1.8	4.8	1.6	5.5	1.4
Восток	388	5.0	1.1	2.0	1.6	2.3	1.7	4.8	1.7	5.6	1.4
НАЦИОНАЛЬНОСТЬ											
Украинец	1407	5.1	1.0	2.1	1.7	3.2	1.9	5.1	1.5	5.4	1.4
Русский	305	5.1	1.2	2.3	1.7	2.4	1.8	4.7	1.7	5.5	1.5
Другая	50	4.7	1.2	2.4	1.8	2.7	1.7	4.2	1.7	5.4	1.7
ТИП ПОСЕЛЕНИЯ											
Киев	95	5.3	1.0	2.2	1.7	3.5	1.9	4.9	1.6	5.4	1.3
Большой город	596	5.1	1.1	2.2	1.7	2.8	1.9	4.8	1.6	5.4	1.5
Малый город	492	5.1	1.0	2.3	1.8	3.1	1.9	5.0	1.6	5.4	1.5
Село	581	5.1	0.9	2.1	1.7	3.3	1.9	5.2	1.5	5.5	1.4
ТИП МИГРАЦИИ											
Б.город – Б.город	406	5.0	1.1	2.2	1.6	2.9	1.8	4.7	1.7	5.3	1.6
М.город – Б.город	86	5.1	1.1	2.0	1.6	3.1	2.0	5.0	1.4	5.4	1.3
Село – Б.город	137	5.3	1.0	2.2	1.8	3.1	2.0	5.0	1.5	5.6	1.3
М.город – М.город	304	5.1	1.0	2.3	1.8	3.0	1.9	5.0	1.6	5.4	1.5
Село – М.город	113	5.2	1.1	2.1	1.7	3.5	1.8	5.3	1.3	5.3	1.6
Село – Село	517	5.1	0.9	2.0	1.7	3.4	1.9	5.2	1.5	5.5	1.4
другие	201	5.0	1.1	2.2	1.7	2.5	1.7	4.8	1.7	5.5	1.5
ОБРАЗОВАНИЕ											
Начальное, н/среднее	615	5.2	1.1	2.1	1.7	3.1	1.9	5.1	1.6	5.6	1.4
Среднее полное	590	5.2	1.0	2.3	1.8	3.2	1.8	5.1	1.5	5.3	1.4
Среднее специальное	363	5.1	1.1	2.1	1.7	3.0	1.9	5.0	1.5	5.3	1.5
Н/высшее (бакалавр)	43	5.1	1.2	2.0	1.6	3.0	1.8	4.8	1.8	5.2	1.5
Полное высшее	152	5.0	1.0	2.2	1.7	2.9	1.8	4.4	1.6	5.3	1.4

ВОЗРАСТ											
До 30 лет	382	5.2	0.9	2.3	1.8	3.1	1.9	5.2	1.5	5.2	1.5
30-54	865	5.1	1.1	2.2	1.7	3.2	1.9	5.0	1.6	5.3	1.5
55+	517	5.1	1.0	2.1	1.6	2.9	1.8	4.9	1.6	5.7	1.3
МАТЕРИАЛЬНЫЙ СТАТУС СЕМЬИ											
Нищее	104	4.9	1.2	2.1	1.7	2.7	1.9	4.6	1.7	5.3	1.6
Бедное	708	5.1	1.0	2.1	1.7	3.0	1.9	4.9	1.5	5.5	1.4
Среднее	940	5.1	1.0	2.2	1.7	3.2	1.9	5.1	1.6	5.4	1.5
Зажиточное	10	5.1	1.4	2.2	2.0	2.9	2.2	5.5	1.4	5.5	1.4
СЕКТОР ЭКОНОМИКИ											
В государственном	468	5.2	0.9	2.1	1.7	3.2	1.9	5.1	1.4	5.5	1.4
В частном	405	5.0	1.1	2.3	1.8	3.1	1.9	5.0	1.5	5.2	1.6
В обоих секторах	63	5.1	1.1	2.3	1.8	3.1	1.8	4.8	1.8	5.0	1.6
Не работаю	826	5.1	1.1	2.1	1.7	3.0	1.9	4.9	1.6	5.5	1.4
ОПЫТ РАБОТЫ ЗА РУБЕЖОМ											
Да	213	5.0	1.1	2.0	1.6	3.2	1.8	5.1	1.6	5.0	1.7
Нет	1541	5.1	1.0	2.2	1.7	3.1	1.9	5.0	1.6	5.5	1.4
ОТНОШЕНИЕ К СОЮЗУ С РОССИЕЙ И БЕЛОРУССИЕЙ											
Скорее отрицательно	491	5.0	1.1	2.0	1.7	3.7	1.9	5.1	1.6	5.1	1.6
Трудно сказать	328	5.1	1.0	2.1	1.6	3.3	1.9	5.1	1.5	5.2	1.6
Скорее положительно	943	5.1	1.0	2.3	1.7	2.7	1.8	4.9	1.6	5.6	1.3
ОТНОШЕНИЕ К ВСТУПЛЕНИЮ В ЕС											
Скорее отрицательно	345	5.2	1.0	2.3	1.7	2.6	1.8	5.0	1.6	5.8	1.4
Трудно сказать	579	5.2	1.0	2.2	1.7	3.0	1.9	5.0	1.6	5.5	1.4
Скорее положительно	839	5.0	1.1	2.1	1.7	3.3	1.9	5.0	1.5	5.2	1.5
ОТНОШЕНИЕ К ВСТУПЛЕНИЮ В НАТО											
Скорее отрицательно	883	5.1	1.0	2.2	1.7	2.7	1.8	4.9	1.6	5.6	1.4
Трудно сказать	610	5.2	1.0	2.1	1.7	3.5	1.9	5.1	1.5	5.4	1.4
Скорее положительно	267	4.9	1.2	2.1	1.7	3.6	1.8	5.1	1.6	4.8	1.7
ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ВЫБОР											
В.Ющенко	955	5.1	1.0	2.1	1.7	3.5	1.9	5.1	1.5	5.2	1.5
В.Янукович	519	5.1	1.0	2.2	1.7	2.4	1.7	4.8	1.6	5.6	1.4
Против обоих	100	5.1	1.1	2.2	1.6	2.8	1.8	4.8	1.7	5.6	1.4
Не участвовал в голосовании	170	5.2	1.1	2.5	1.8	3.5	1.9	5.0	1.6	5.5	1.4

Примечание: m1–m5 — значения индексов в баллах, СрКв — среднее квадратичное отклонение.

Валидность подобной интерпретации подтверждается достаточно высокой корреляцией этого показателя с показателем гражданской идентичности, измеряемым ответом на прямой вопрос «Кем Вы себя в первую очередь считаете?». Наиболее низкое значение

индекса дистанцированности (1,6 балла) по отношению к украинцам у лиц, отметивших, что в первую очередь они считают себя «представителем своего этноса, нации»

Русские. Естественно, что наибольший интерес, с точки зрения сохранения и поддержания гражданского мира в Украине, представляют взаимоотношения между украинцами (представителями титульной нации) и русскими, которые по своей численности, исторической, политической и экономической роли в общественной жизни Украины занимают одну из ведущих позиций. Ее значимость возрастает в связи с перспективой решения проблем российско-украинских отношений.

Американцы. Особый интерес к американцам в контексте исследования межнациональных установок обусловлен ключевой ролью США в современной мировой политике. Влияние США на Украину создает основания для формирования в массовом сознании как позитивного отношения (высокий уровень жизни, международная экономическая помощь, развитые технологии и т. п.), так и негативных установок, обусловленных, прежде всего, участием США в международных вооруженных конфликтах (Сербия, Афганистан, Ирак др.).

Евреи. Отношение к евреям всегда представляет интерес при анализе проблем национальной толерантности и ксенофобии. Во-первых, проблема антисемитизма в силу исторических обстоятельств занимает особое, едва ли не ведущее место в мировой проблематике межнациональных отношений. Во-вторых, проблема антисемитизма имеет исторические основания и в Украине. Достаточно актуальной, как показывают наши исследования, она является здесь и в настоящее время.

Рассматривая факторы общей национальной дистанцированности, в первую очередь следует отметить, что довольно высокий уровень обособленности, изоляционизма и ксенофобии — это феномен, охватывающий практически все регионы и все категории населения Украины. Даже в самых «благополучных» группах средний интегральный индекс национальной дистанцированности редко опускается ниже 5 баллов (см. табл. 3, колонка m1).

Отношение к украинцам: факторы национальной идентичности

Значение индекса национальной дистанцированности по отношению к украинцам как показателя уровня национальной украинской идентичности в 2005 году составляет 2,2 балла. С 1992 по 2002 год это значение составляло около 1,6 балла. Следовательно, с 2002 года произошел сдвиг не только в дистанцированности от других национальностей, но и определенное понижение уровня украинской самоидентичности. Что касается региональных особенностей, то можно видеть, что в целом в западных, восточных и центральных регионах население по этому показателю практически не различается. В южных регионах фиксируется значимое увеличение дистанцированности

по отношению к украинцам (и, соответственно, снижение уровня украинской идентичности) по сравнению с остальными регионами.

Как и следовало ожидать, у этнических украинцев выше уровень национальной идентичности по сравнению с русскими и представителями других национальностей. Однако у всех представителей разных национальностей, населяющих Украину, величина этого показателя не выходит за пределы поля национальной идентичности. Это свидетельствует о достаточно высоком уровне ассимиляции и консолидации на основе украинской идентичности как предпосылки формирования гражданской нации, когда под нацией понимается не столько этническая общность, сколько гражданская принадлежность.

Для жителей села в целом характерен более высокий уровень украинской идентичности. Что касается городского населения, то существенное влияние на его особенности оказывает не только величина поселения, но и регион проживания: в городах, принадлежащих к разным регионам, фиксируется разный уровень украинской идентичности.

Практически не сказываются на уровне украинской идентичности такие факторы, как возраст, образование, материальное положение семьи. Однако в исследовании зафиксированы статистически значимые различия в уровне украинской идентичности между людьми, работающими в государственном и частном секторах экономики: у лиц, работающих в государственном секторе, уровень украинской идентичности несколько выше по сравнению с лицами, работающими на частных предприятиях.

Что касается геополитических ориентаций, можно видеть, что отношение к западному вектору развития Украины (к вступлению в ЕС и НАТО) не связано со степенью украинской идентичности, тогда как ориентации на союз с Россией и Белоруссией взаимосвязаны с фактором украинской идентичности. У лиц, отрицательно относящихся к союзу с Россией и Белоруссией, выше уровень украинской идентичности по сравнению с теми, кто к такому союзу относится положительно. Определенная связь уровня украинской идентичности с политической активностью населения Украины зафиксирована и при анализе сопряженности этого показателя с характером участия в выборах президента Украины в 2004 году. Люди с более высоким уровнем украинской идентичности чаще (на статистически значимом уровне) голосовали за В. Ющенко по сравнению с теми, кто голосовал за В. Януковича или «против обоих». Самый низкий уровень украинской идентичности у тех, кто вообще не участвовал в голосовании.

Отношение к русским: факторы национальной идентичности и толерантности

Значение индекса национальной дистанцированности населения Украины в целом по отношению к русским составляет 3,1 балла. Это

значение выходит за пределы национальной идентичности, и характеризует определенный уровень национальной толерантности по отношению к русским, динамика которого согласуется с общими процессами динамики межнациональных установок в современной Украине — повышение дистанцированности по отношению практически ко всем национальностям. Начало этого процесса приходится на конец 2001 – начало 2002 года.

В отношении к русским основным дифференцирующим фактором является регион проживания. В восточных регионах это отношение можно оценивать как национально-идентификационное, так как соответствующий показатель составляет 2,3 балла. Довольно близок к этому значению показатель, характеризующий южные регионы (2,9 балла). В центральных регионах значение ИНД повышается до 3,2 балла. И, наконец, в западных регионах индекс национальной дистанцированности поднимается до верхней критической отметки национальной толерантности по отношению к русским — 4 балла.

Характеризуя региональные особенности отношения к русским в целом, можно отметить две основные особенности: 1) во всех регионах значение показателя ИНД находится в пределах национальной толерантности; 2) по мере продвижения от востока к западу (восток – юг – центр – запад) национальная дистанцированность от русских существенно увеличивается.

Определенные различия в отношении к русским отмечаются в разных типах поселения. Наиболее толерантное отношение к русским характерно для крупных городов (за исключением Киева). По мере уменьшения населенного пункта (малый город – село) происходит нарастание дистанцированности («отчуждение») от русских. Наименее толерантное отношение к русским зафиксировано в Киеве. Увеличение дистанцированности по отношению к русским в Киеве, по сравнению с другими крупными городами, началось в 2001 году. (Возможно, это обусловлено началом второй волны военных действий в Чечне). В целом обнаруженные особенности отношения к русским в зависимости от типа поселения связаны как с опытом повседневного общения с представителями разных национальностей (в том числе и с русскими), который в больших городах значительно шире, так и с региональным фактором — крупные города сосредоточены в основном в восточных регионах. Обнаружена связь между материальным статусом и дистанцированностью по отношению к русским: чем выше оценка материального статуса своей семьи, тем больше величина дистанцированности от русских.

Существенную роль в формировании уровня национальной толерантности по отношению к русским играют политические установки населения: геополитические ориентации и политический выбор. Лица, позитивно относящиеся к союзу с Россией и Белоруссией, более

толерантны к русским, чем те, кто к возможности такого союза относятся отрицательно. Те, кто положительно относятся к вступлению Украины в ЕС и, особенно, в НАТО, менее толерантны к русским, по сравнению с теми, кто отрицательно относится к альянсам (особенно военным) с западными странами.

Исследование 2005 года показало существенную взаимосвязь между отношением к русским и политической позицией, проявленной на выборах президента Украины в конце 2004 года. Та часть населения, которая голосовала за В. Ющенко, принципиально отличается от голосовавших за В. Януковича по величине дистанцированности по отношению к русским. Если ИНД сторонников В. Януковича свидетельствует о русской национальной идентичности (2,4 балла), то сторонники В. Ющенко демонстрируют дистанцированность, приближающуюся к верхней границе национальной толерантности к русским (3,5 балла).

Отношение к американцам: факторы национального изоляционизма

Среднее значение индекса национальной дистанцированности населения Украины в целом по отношению к американцам составляет 5,4 балла. Это значение существенно повысилось после 2001 года и в настоящее время характеризует довольно высокий уровень национального отчуждения от американцев. Отношение к ним связано с рядом региональных, демографических, экономических и политических факторов.

Рассматривая региональный фактор, прежде всего, следует отметить, что, в отличие от отношения к русским, которые во всех регионах Украины с разной степенью близости, но все же воспринимаются как «свои», американцы с разной степенью отчужденности в разных регионах везде воспринимаются как «чужие». Однако, если русские воспринимаются как более «близкие» на востоке страны, и в наибольшей степени «отодвигаются» в западных регионах, то американцы, наоборот, наиболее «близко» допускаются в западных регионах, и, соответственно, наиболее далеко «отодвигаются» в восточных. В восточных регионах индекс национального дистанцирования по отношению к американцам составляет 5,6 балла, в южных – 5,5 балла; в центральных – 5,4 балла; в западных – 5,0 баллов.

На отношении к американцам, на первый взгляд, практически не сказывается ни национальность людей, ни населенный пункт, в котором они проживают. Отсутствие заметных различий между жителями города и села, однако, объясняется достаточно большим количеством в городе сельских мигрантов, субкультура которых отличается большей подозрительностью к «чужакам». Учет фактора «миграционной маргинальности» позволяет увидеть, что в наибольшей

степени антиамериканские настроения распространены среди жителей села, а также среди тех, кто переехал из села в город.

Степень социальной дистанцированности от американцев в определенной мере связана с уровнем образования и возрастом людей. Чем ниже уровень образования людей и чем выше их возраст, тем большую дистанцированность по отношению к американцам (как представителям западной культуры) они предпочитают. На сокращении дистанцированности сказываются опыт работы за рубежом или в частном секторе экономики в Украине.

В исследовании установлена закономерная связь между отношением к американцам и геополитическими ориентациями населения. У тех, кто относится положительно к союзу с Россией и Белоруссией, показатели дистанцированности к американцам выше, чем у тех, кто к подобному союзу относится отрицательно. И, наоборот, у тех, кто ориентирован на вступление в ЕС и, особенно, в НАТО, показатели дистанцированности значимо ниже по сравнению с людьми, отрицательно относящимися к европейской интеграции. Эти результаты вполне соотносятся с логикой геополитического выбора. Хотя не может не вызывать удивления значение ИНД по отношению к американцам у лиц, осуществляющих геополитический выбор в пользу интеграции с западными государствами, так как у тех, кто положительно относится к вступлению в ЕС, ИНД по отношению к американцам равен 5,2 балла; а у тех, кто положительно относится к вступлению в НАТО – 4,8 балла. Эти значения свидетельствуют о достаточно высоком уровне национальной обособленности и изоляционизма по отношению к представителям стран, с которыми предпочитают интегрироваться.

Внутриполитический выбор людей также связан с их отношением к американцам. Сторонники В. Януковича в своем сознании более «дистанцированы» от американцев по сравнению со сторонниками В. Ющенко.

Отношение к евреям: распространенность и факторы антисемитизма

Динамика отношения к евреям за период становления Украины как независимого государства согласуется с общим процессом изменения межнациональных установок населения Украины — нарастание национальной обособленности, дистанцированности, ксенофобических установок.

На протяжении периода 1992–2001 гг. значение индекса национальной дистанцированности от евреев балансировало на границе 4 баллов. Это значение можно было интерпретировать как «не совсем свои, но и не совсем чужие». С 2002 года дистанцированность по отношению к евреям повысилась до 5 баллов, что свидетельствует о том, что массовое сознание в среднем «подвинуло» евреев к рубежу,

ограничивающему «пределы Украины». В 2005 году только 3% жителей Украины были согласны допустить евреев в качестве членов своей семьи, 7% - в качестве близких друзей, 10% - в качестве соседей, 7% - в качестве коллег по работе. Можно видеть, что в итоге только чуть более четверти населения Украины (27%) проявили ту или иную степень толерантности по отношению к евреям и готовы поддерживать близкие социальные контакты с представителями этой национальности. 25% отметивших, что они согласны допустить евреев только в качестве жителей Украины, проявили «обособленческую» установку — «пусть живут в стране, но мне бы лично не хотелось вступать с ними в непосредственные социальные контакты». Наибольший удельный вес занимает группа «изоляционистов» (35%), отметивших, что готовы допускать евреев, но только «в качестве туристов, посещающих Украину». Как уже отмечалось выше, эту позицию можно расценивать как скрытую установку на антисемитизм. Позицию крайнего антисемитизма — «вообще не допускал бы в Украину» — открыто выразили 12% взрослого населения Украины.

В дистанцированности от евреев значимо проявляются региональные, этнические и поселенческие различия. В западных регионах Украины антисемитские и изоляционистские установки распространены в наибольшей степени: 60% взрослого населения западных регионов Украины проявили ту или иную степень склонности к антисемитизму (из них 15% «вообще не допускали бы евреев в Украину», а «допускали бы только в качестве туристов» — 46%). В центральных регионах склонность к антисемитизму присуща 50% (13% и 35% соответственно); в южных — 43% (11% и 32%); в восточных — 39% (10% и 29%). У украинцев нетолерантность по отношению к евреям несколько выше, чем у русских. Чем больше населенный пункт, тем меньше распространены антисемитские установки: если в селах «вообще не допускали бы в евреев Украину» 14%, а в малых городах — 13%, то в больших городах удельный вес прямых антисемитских установок снижается до 11%, а в Киеве он составляет 6%.

Как и следовало ожидать, уровень антисемитизма и изоляционизма сопряжен с уровнем образования: чем ниже уровень образования, тем выше уровень как антисемитизма, так и изоляционизма. Тревожные и достаточно неожиданные данные получены при анализе влияния возрастного фактора на показатели национальной дистанцированности по отношению к евреям со стороны населения Украины. Молодежь Украины (18–29 лет) отличается более высоким уровнем национальной нетолерантности по отношению к евреям, особенно по сравнению с представителями старшего поколения. Это свидетельствует о нарастании изоляционистских и антисемитских настроений в стране. Тем более что подобная тенденция проявляется и в отношении к русским, и в общих показателях национальной толерантности.

Неожиданными являются и данные, касающиеся взаимосвязи материального статуса и национальной толерантности. Чем выше люди оценивают свое материальное положение, тем в большей степени они дистанцируются от ряда других национальностей в целом, и от евреев, в частности. Так, среди тех, кто оценил свое материальное положение как «нищее», 9% не допускали бы евреев в Украину; среди «бедных» — 10%, среди «средних» — 14%, среди «зажиточных» — 18%. Если среди тех, кто работает в государственном секторе, прямые антисемитские установки высказывают 9%, то среди работающих в частном секторе удельный вес открытых антисемитов повышается до 15% (14% — среди тех, кто работает в обоих секторах, и 13% — кто не работает).

Как мы уже неоднократно подчеркивали, антисемитские установки сопряжены с ориентацией на закрытость общества в целом. Этот тезис находит свое подтверждение и при рассмотрении геополитических ориентаций людей в их связи с межнациональными установками. Антисемитизм связан с отрицательным отношением к любым «инокультурным» контактам. Большой распространенностью открытых антисемитских установок отличаются как те люди, которые отрицательно относятся к союзу с восточными соседями — Россией и Белоруссией — 16% (среди тех, кто относится положительно — 10%), так и те, кто отрицательно относится к вступлению в ЕС — 15% (среди тех, кто относится положительно — 11%).

Что касается особенностей связи отношения к евреям с внутривнутриполитическим выбором, то следует заметить, что среди сторонников В. Ющенко шире распространены антисемитские установки — 50% (из них 37% — скрытые и 13% — открытые) по сравнению со сторонниками В. Януковича — 43% (33% — скрытые и 10% — открытые).

Общий итог трансформации массового сознания был таков, что за десять лет независимости Украины удельный вес психологически открытых (толерантных) людей снизился более чем в три с половиной раза. Практически половину населения к настоящему времени составляют граждане с изоляционистскими установками на межнациональные отношения. Особую тревогу вызывает разрастание ксенофобических установок: численность их носителей за десять лет возросла более чем в четыре раза.

Основные выводы

Если с 1992 по 2001 гг. происходило постепенное снижение среднего индекса общей национальной дистанцированности, то в 2002 году произошло резкое «дистанцирование» практически от всех национальностей. Какие же причины могли вызвать «большой скачок», зафиксированный в феврале 2002-го? В свое время анализ причин, которые приводят к увеличению массовой дистанцированности

жителей Америки от той или иной национальности, привел Э. Богардуса к выводу, что первое место среди них занимают драматические события в стране и мире, в частности те, которым отводится большое место в заголовках газет. Например, события Пирл-Харбора изменили отношение американцев к японцам, а период «холодной войны» — к русским и т. п. Население Украины, как мы видели, тоже заметно реагировало на межнациональные конфликты. В данном случае складывается впечатление, что трагические события в Америке, связанные с террористическим актом в сентябре 2001 года, и последующее позиционирование большинства стран по поводу создания антитеррористической коалиции, предвещающее бескомпромиссную борьбу с режимами, поддерживающими террористов, вызвало у украинского населения глобальную «страусиную» реакцию — «окопаться и переждать».

Попытка разобраться, для каких категорий населения наиболее характерна открытость, а для каких — изоляционизм и ксенофобия, привела к выводу, что повышение уровня изоляционизма и ксенофобии — феномен, охватывающий все категории населения Украины. На уровень национальной толерантности практически не оказывают влияние такие социально-демографические факторы, как пол, возраст, национальность, семейное положение и национальный состав семьи, уровень дохода, тип занятости (в государственном или частном секторе). Незначительное влияние оказывают такие характеристики, как уровень образования, род занятий, язык общения, тип населенного пункта (город / село). Хотя в этих группах и зафиксированы небольшие различия, они непринципиальны.

Даже в самых «благополучных» группах средний индекс национальной дистанцированности превышает 5 баллов. Не влияет на уровень национальной дистанцированности и жизненный опыт, связанный со случаями столкновения с дискриминацией на национальной почве или опыт работы за рубежом. Даже у людей, которые планируют поехать поработать за рубежом, примерно те же межнациональные установки, что и у населения в целом.

Описанные феномены вызваны, на наш взгляд, тем, что массовое сознание в Украине находится «на перепутье» национально-гражданской идентификации. От одних народов, с которыми связывал опыт общения в рамках единого государства, уже достаточно отделились, а к другим — еще не приблизились. Проголосовав за выход из Союза и построение независимого государства, люди с разными чувствами оглядываются на совместное прошлое. Одни — с огромным облегчением, вызванным освобождением от коммунистического и шовинистического диктата имперски настроенного соседа. Другие, вспоминая молодость, до сих пор не могут понять — правильное ли было принято решение. Но, даже тот, кто, сожалея об ушедшей молодости, хотел бы вернуться к прежнему «содружеству», поворачиваясь

на Восток, видит там полыхающие межнациональные пожары или их тяжелые последствия. Поэтому даже адепты Советского Союза хотят реконструировать прежнее межнациональное союзное сообщество, предварительно удалив из него всех участников межнациональных столкновений, особенно тех, кто до сих пор с оружием в руках выявляет межнациональные отношения. Но и взор, обращенный на Запад, тоже открывает отнюдь не благодатную идиллию межкультурного сотрудничества наций и народов. Здесь уже началась «война цивилизаций». И от каждого участника требуется вынужденная геополитическая позиция, которая подразумевает необходимость в той или иной степени вовлекаться в открытый конфликт. Но это чуждо национальному менталитету, народная мудрость которого сконцентрирована в избитом выражении «моя хата с краю». В результате формируется комплекс национальной обособленности, способствующий государственному изоляционизму.

В массовом межнациональном сознании взрослого населения Украины продолжает сохраняться *высокий уровень восточно-славянской обособленности*, национального изоляционизма и ксенофобии. В качестве «своих» население Украины воспринимает преимущественно этнических украинцев, русских и белорусов. Представители большинства национальностей воспринимаются как «чужие» и «выдворяются» массовым сознанием за пределы Украины. Некоторое «ослабление» проявляется к «историческим соседям»: около половины украинских граждан в качестве жителей Украины допустили бы еще евреев, поляков, молдаван и крымских татар, то есть представителей тех народов, с которыми есть исторический опыт совместного проживания.

Подобная конфигурация национальных предпочтений позволяет предположить, что в основе национального изоляционизма, доминирующего в массовом межнациональном сознании населения Украины, заложены *архаично-традиционалистские ценностные ориентации*, в значительной мере определяющие формирование, развитие и консолидацию системы социальных отношений в целом.

Наряду с неутешительной динамикой национальных установок особый пессимизм в оценивании перспектив развития Украины, декларирующей демократический путь развития и построение открытого общества, вызывает то обстоятельство, что *среди молодежи* ксенофобские и, особенно, антисемитские установки распространены в большей мере, чем у среднего и старшего поколений.

Декларативные геополитические установки на европейскую интеграцию несколько снижают уровень изоляционизма и ксенофобии, но принципиально не сказываются на отношении к представителям национальностей из стран Западной Европы и Америки. Это настроение у лиц, позитивно относящихся к вступлению в Европейский Союз, так

же, как и у населения в целом, характеризуется широкой распространенностью скрытых и открытых ксенофобических установок.

Региональный фактор играет едва ли не решающее векторное значение в особенностях формирования национальной толерантности граждан Украины по отношению к другим национальностям. Эти различия четко ранжируются на оси «Восток – Юг – Центр – Запад». Население западных регионов Украины отличается наиболее выраженной украинской идентичностью; наименьшей толерантностью к русским; наименее отчужденным отношением к американцам; наибольшей распространенностью антисемитских установок; в наибольшей мере ориентировано на интеграцию в европейское сообщество; наименее позитивно относится к идее союза с Россией и Белоруссией; и, наконец, в западных регионах наиболее высок удельный вес людей, проголосовавших на выборах Президента Украины за В. Ющенко. Население восточных регионов, соответственно, отличается наименее выраженной украинской идентичностью; наибольшей толерантностью к русским; наиболее отчужденным отношением к американцам; наименьшей распространенностью антисемитских установок; в наименьшей мере ориентировано на интеграцию в европейское сообщество; наиболее позитивно относится к идее союза с Россией и Белоруссией; в восточных регионах наибольший удельный вес людей, проголосовавших на выборах президента Украины за В. Януковича. Во всех этих измерениях южные и центральные регионы Украины занимают «свое» структурное место: Юг ближе к Востоку, а Центр к Западу. Следует заметить, что аналогичная структура регионов выстраивается и в соответствии с объективными результатами голосования на президентских выборах 2004 года.

Практически не различаясь по уровню украинской идентичности и общему уровню национальной дистанцированности, сторонники В. Ющенко и В. Януковича существенно различаются по отношению к национальностям, определяющим вектор геополитической ориентации «Восток–Запад». Если по отношению к русским Индекс национальной дистанцированности сторонников В. Януковича свидетельствует о русской национальной идентичности, то сторонники В. Ющенко демонстрируют дистанцированность от русских, приближающуюся к верхней границе национальной толерантности. По отношению к американцам сторонники В. Ющенко характеризуются меньшей степенью отчуждения по сравнению со сторонниками В. Януковича.

Несмотря на отмеченные групповые различия в уровне национальной толерантности, для всех категорий населения Украины характерна общая структура национальных предпочтений-отторжений. В рамках этой структуры формирование национальной толерантности

на основе идентификационных механизмов и восприятия представителей большинства национальностей как «своих» является скорее исключением, чем правилом. Для более ясного понимания перспективы изменения сложившихся структур и механизмов формирования национальной толерантности в постсоветском социальном пространстве необходимы систематические сравнительные исследования, предполагающие расширение сотрудничества социологов России и Украины. В качестве одного из первых шагов в этом направлении мы рассматриваем совместный проект Институтов социологии НАНУ и РАН «Национально-гражданские идентичности и толерантность в России и Украине», в рамках первого этапа реализации которого выполнена данная работа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хабермас Ю.* В поисках национальной идентичности. Философские и политические статьи. Донецк: Изд-во «Донбасс», 1999.
2. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
3. *Ядов В.А.* Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 35–52.
4. *Шульга Н.А.* Этническая самоидентификация личности. Киев: Институт социологии НАНУ, 1996.
5. *Макеев С.А., Оксамитная С.Н., Швачко Е.В.* Социальные идентификации и идентичности. Киев: Институт социологии НАНУ, 1996.
6. Соціокультурні ідентичності та практики. Київ: Інститут соціології НАНУ, 2002.
7. *Дробижева Л.М.* Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. М.: Институт социологии РАН, 2002.
8. *Попова О.В.* Политическая идентификация в условиях трансформации общества. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та., 2003.
9. *Гудков Л.* Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
10. Процессы идентификации российских граждан в социальном пространстве «своих» и «несвоих» групп и сообществ. М.: Аспект Пресс, 2004.
11. *Данилова Е.Н.* Через призму социальных идентификаций // Россия реформирующаяся / Под ред. Л.М. Дробижевой. М.: Институт социологии РАН, 2004. С. 220–244.
12. *Golovakha E., Panina N.* Inter-Ethnic Relations and Ethnic Tolerance in Ukraine // Jews and Jewish Topics in the Soviet Union and Eastern Europe. 1991. Vol. 14. P. 27–30.
13. *Панина Н.В.* Проблемы национальной толерантности в Украине // Украинский вестник агентства «Postfactum». 1993. № 4. С. 13–16.
14. *Панина Н.* О применении шкалы социальной дистанции в исследованиях национальной толерантности в Украине // Социология: теория, методы, маркетинг. 2003. № 3. С. 21–43.

15. Толерантность и согласие. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1997.
16. Толерантность / Под. ред. М.Б. Хомякова. Т. 1, 2. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2001.
17. *Козырева П.М.* Толерантность и динамика социального самочувствия в современном российском обществе. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2002.
18. *Кольцова Е.Ю., Таратута Е.Е.* Измерение толерантности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. № 4.
19. Социология межэтнической толерантности / Под. ред. Л.М. Дробижевой. М.: Институт социологии РАН, 2003.
20. *Рыжова С.В.* Социальные аспекты межкультурного восприятия // Социология межэтнической толерантности / Под. ред. Л.М. Дробижевой. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 150-191.
21. *Хомяков М.Б.* Идентичность, толерантность и проблема гражданства // Этнические и гражданские идентичности в России / Под ред. В.С. Магуна, Л.М. Дробижевой, И.М. Кузнецова. М.: Институт социологии РАН, 2005.
22. *Park R.E.* The Concept of Social Distance // Journal of Applied Sociology. 1924. Vol. 8. P. 339-344;
23. *Park R.E.* The Urban community as a special pattern and a moral order // The Urban Community / Ed. by E.W. Burgess. Chicago, 1927. P. 3-18.
24. *Bogardus E.S.* Measuring social distance // Journal of Applied Sociology. 1925. Vol. 9. P. 299-308.
25. *Bogardus E.S.* Immigration and race attitude. Boston, 1928.
26. *Bogardus E.S.* Forty year racial distance study. Los Angeles, 1967.
27. *Головаха Е.И., Панина Н.В., Чурилов Н.Н.* Киев 1990-1991: Социологические репортажи. Киев: Наука, 1992.
28. *Golovakha E., Panina N.* The development of a democratic political identity in contemporary Ukrainian political culture // Nationalism, Ethnicity, and Identity. Cross-National and Comparative Perspectives / Ed. by R. Farnen. New Brunswick, 1994. P. 403-425.
29. *Головаха Е.И., Панина Н.В.* Социальное безумие. История, теория и современная практика. Киев: Абрис, 1994.
30. *Panina N.* Interethnic relations and conflict in Ukraine // Post-Soviet Puzzles / Ed. by K. Zegbers, S. De Spiegeleire. Baden-Baden, 1995. Vol. 4. P. 101-122.
31. *Panina N.* Ukrainian Society 1994-2004: Sociological monitoring. Kyiv: IS NANU, 2004.